

You have downloaded a document from
RE-BUS
repository of the University of Silesia in Katowice

Title: Celovek kak reprezentant: pozicii, mesta i roli v povesti I. Panaeva "Akteon"

Author: Petr Cervinskij

Citation style: Cervinskij Petr. (2011). Celovek kak reprezentant: pozicii, mesta i roli v povesti I. Panaeva "Akteon". W: P. Czerwiński, E. Straś (red.), "Słowo i tekst. T. 3, Mentalność etniczna i kulturowa" (S. 23-38). Katowice : Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.

Uznanie autorstwa - Użycie niekomercyjne - Bez utworów zależnych Polska - Licencja ta zezwala na rozpowszechnianie, przedstawianie i wykonywanie utworu jedynie w celach niekomercyjnych oraz pod warunkiem zachowania go w oryginalnej postaci (nie tworzenia utworów zależnych).

UNIwersYTET ŚLĄSKI
W KATOWICACH

Biblioteka
Uniwersytetu Śląskiego

Ministerstwo Nauki
i Szkolnictwa Wyższego

W tekstach kultury
В текстах художественной культуры

Пётр Червинский
Катовице—Сосновец

**Человек как репрезентант:
позиции, места и роли в повести И. Панаева *Актеон***

В ряду проблем, связанных с изучением языковой картины мира, видимо, необходимо ставить и проблему типологически характерного для носителей данного языкового сознания представления человека. Постановка подобного рода требует объяснения, прежде чем стать предметом, достойным своего описания. Речь идет о таком социально отмеченном отпечатке исходящего от сознания и подсознания каждого представителя данной общности обращаемого отношения к тому, что (или кто) выглядит, действует, как он сам, которое, укладываясь в общепризнанное представление *ближний*, образует сложный комплекс не до конца объясняемых рефлексий и ощущений не обязательно стройной гаммы значений, знаний, эмоций, переживаний и чувств. Всего того, что повседневно себя обнаруживает в виде заряженных самыми разными смыслами и коннотациями проявлений чего-то такого, что можно представить как не до конца признаваемое и познаваемое представление себя самого и себя другого — себя-контрагента, себя-аспекта, себя-потенции и себя-конкурента.

Ведущим и одновременно связующим центром всех гуманитарных наук, т.е. наук, изучающих человека, А.Ж. Греймас, в своих поисках оснований научной семантики, посчитал правомерным и необходимым признать значение. «Как нам представляется, мир человека главным образом должен определяться как мир значений. Мир может быть назван «человеческим» лишь в той мере, в какой он что-либо означает. [...] если науки о природе задаются вопросом о том, что такое человек и что такое мир, то науки о человеке с той или иной степенью определенности ставят перед собой вопрос о значении как одного, так и другого»¹.

¹ А.Ж. Греймас: *Структурная семантика. Поиск метода*. Москва 2004, с. 5.

Если мир человека определяется как мир значений, то чем в этом мире является, выступает, становится сам человек, будучи центром, определяющим, точкой отсчета и одновременно частью и элементом продуцируемого им в общественном представлении мира? Собственным миром значений в созданном им мире значений, поскольку значение — единица и способ существования, реализации и восприятия в нем, этом мире? Или чем-то другим, поскольку воспринимаемое и воспринимающее, означаемое и означающее в этом случае обращаются тождеством, единством себя самого? Расщепление на субъект и объект, наблюдающего и наблюдаемого в этом случае, как представляется, мало что даст, поскольку преследующая на протяжении всей истории человека идея его родовой в себе обращенности — себя самого от себя самого — едва ли не основной философский камень его нескончаемого преткновения. Восприятие человека не происходит, по крайней мере в контексте европейской ментальности, как восприятие себя другого, но как в различной степени приближения-удаленности наблюдаемого внешнего, отделенного, чуждого, потенциально иного, противно расположенного *vis-à-vis*. Что неизменно находит свое отражение в концептуальных формулах языка, и что поэтому неизменно, как следствие, должно быть предметом его (языка) изучения. В какой мере, насколько такое его изучение способно стать орудием самопознания человека, приблизить ему, в контексте знания всех гуманитарных наук, понимание им себя самого и с этим всем своего значения, — на этот вопрос можно было бы постараться начать отвечать после более или менее ясного представления о видах и типах, т.е. о типологии, концептуальных формул обозначения человека, т.е., в конечном счете, обозначения человеком себя самого как себя другого и через него, в различии существующих точек отсчета, входов, исходов и поворотов.

Таким приблизительно образом можно было бы определить идею, полагаемую в основание последующего. Другая такого рода идея, связываемая с этой ведущей, определялась бы вынесенным в заглавие представлением признака *репрезентант* применительно к обозначению человека. Его, этот признак, необходимо воспринимать не столько как непосредственный объект изучения, сколько как ключ к рассмотрению, вынесенный за скобки исходный и собирающий пункт, позволяющий в задаваемых им ориентирах представить те направления, формы и нормативы, в которых следует и имеет смысл понимать исследуемые значения. Саму же эту идею необходимо было бы определять как весьма существенную, если не задающую, применительно к взгляду, позиции, отношению к человеку, закрепленных в сознании языковым опосредованием, через его названия и обозначения. В известном смысле можно бы было без особого преувеличения сказать, что едва ли не всякое обозначение человека с помощью языка, за исключением, может быть, только личных имен, содержит в себе неизменно идею определения его как репрезентанта, либо в чистом виде, либо затем поворачиваемую

в параметры носителя признака, обладателя качеств и свойств и т.п. В самом названии *человек* заложено общеславянское представление о том, что некто, объект, называемый словом, является представителем, частью, членом чего-то большего, как носитель соответствующих, дающих ему и одновременно вбирающих от него, необходимых жизненных признаков, свойств. Согласно одной из наиболее признанных этимологий, и.-е. корень **kuel* «род», «клан», «стая», «род», «толпа» + **ueik-* (: **uoik-*) «жизненная сила», «энергичное проявление силы». «Т.о. [таким образом], старшее, первоначальное знач. о.-с. [общеславянское] **čelověkъ* : *č(b)lověkъ* «дитя, отпрыск, потомок семьи, рода, клана»². То есть, иными словами, содержит и воплощает идею составной организменной части в совокупном единстве своих представителей данной общественной целостности. Два этих взаимосвязанных признака — часть-представитель и совокупное целое, существующее ими, своими частями и представителями, и в них и себя в них как таковое являющее, — можно считать в известной степени определяющими в отношении и других обозначений в языке человека. С необходимостью подразумевания в каждом подобном номинативном случае картины мира в той ее части, которая связывается с представлениями о социальном устройстве, знаниями социальной модели, модели данного социума. Впрочем, ее присутствие в знании любого из говорящих, носителей данного языка, вряд ли возможно подвергнуть сомнению.

Характер устройства фрагмента модели социума, в связи с обозначением ее представителей, будет предметом данного рассмотрения. Однако прежде чем к нему перейти, хотелось бы уточнить понятие репрезентанта еще в одном отношении. Представитель, или репрезентант, может восприниматься в интересующем нас понятийном значении: (1) как явление презенсное, *ре-презент-ант*, то, что находится в данный момент, наблюдается и называется, оказавшись перед глазами, выдвинувшись к наблюдателю из массы, совокупного целого, множества подобных ему; (2) как стоящее *перед*, выставленное, вынесенное вперед, отделенное в своей *пре-позиции*, *ре-пре-зенции*, в своем вычленении, от остальных, и так, соответственно, воспринимаемое и называемое, как отдельность, в отвлечении, отделении от других, где-то там и за ним в представлении, знании, воображении говорящего находящих-

² А.Я. Черных: *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. Т. 2. Москва 1999, с. 378. Ср. другие такие же основополагающие для языковой картины мира обозначения, как мужчина и женщина, производные от представления о единичном носителе обобщенных, а затем собирательных свойств. По замечанию В.В. Виноградова, «А.А. Потебня производил слова женщина и мужчина (ср. польск. *żeńszczyzna* и *mężczyzna*) для иллюстрации перехода значений от отвлеченности к собирательности и затем единичности. Соответствующие польские слова в XVI—XVII вв. еще сохраняли собирательное значение — Женьщина и поль. *-uzna*, а) свойство одной женской особи, причем женьска — существит. ... обл. (сиб.) «женьски идут», как в серб., чешск. *ženská*. // Таким же образом мужчина, поль. *-uzna*- а) свойство того, кто мужьскъ ... Отсюда то и другое б) собирает. ж.р. мужчины, женщины». В.В. Виноградов: *История слов*. Москва 1999, с. 157.

ся; 3) как представляющее социум, некое множество, коллектив, являясь частью и членом, представителем некоторого числа организуемого *своего* — в значении объединяющей всех их идеи, собирающей, организующей, группирующей силы, определяющей, дифференцирующей, отличающей от каких-то других позиций, положений, размещений, совокупности характерных черт. Это последнее особенно важно для идентифицирующей и самоотождествляющейся проекции национального, классового, социального, кастового, группового, семейного, родового, общинного, идейно-партийного или другого какого-то «я» называемого (идентификация) либо так себя называющего или воображающего (самотождество).

Что фактически обозначается высказыванием типа *Ко мне подошел человек средних лет* или словосочетанием *Женщина в белом*? Презенсное представителя, не отделяющее его от себе подобных, но делающее его наблюдаемым, воспринимаемым, видимым в каких-то своих чертах, для первого случая, и препозитивное, отделенное *ре-пре-зенции*, делающее называемое подобно-неподобным в своей особенности и несходственной сходственности по сравнению с другими такими же, для второго. Что означает оборотами типа *бабы и ребятишки, деревенские жители, души мужеска пола, парни с девками, бабы и мужики, лакеи и дворя* или из летописи *от оуноть и до старецъ; избишиа чернъцы, и черницы, и убогыя, и жены, и малые детки; от уного и до старца и суцаго младенца*, сюда же устойчивые и *стар и млад, от мала до велика*? В интересующем нас смысле — очерченные, имеющие свои границы проявления, дисперсии, рассеяния существующего в этом мире социума, в своих представителях и через них, либо весь этот социум в данной своей целостности и совокупной своей полноте, обозначенный через имена своих представителей.

В связи со сказанным существенным оказывается понятие и представление об *этом мире*. О каком мире речь, если говорить о нем как об *этом*? Применительно к текстам культуры и текстам прошлого, в том числе и художественным, без видовой и жанровой их дифференциации и уточнения, присутствующий в сознании описывающего и всем ему современным известный, а потому не проецируемый им в своих частях и составах, мир — для нас, теперь эти тексты читающих, мир тот будет одновременно и этот и не этот. Этот — потому что человеческий, материальный, видимый, посюсторонний, земной. Не этот — потому что неизвестный, отдаленный, не знаемый в своих реальных подробностях, деталях и проявлениях. Может быть и еще одно представление о мире, снимающее противоположение *этой* или *не этой*. То представление, которое присутствует в сознании как основа мифологического либо, равным образом, и гносеологического, концептуального, мировоззренческого восприятия и отношения к миру как миру сущего и миру сущему. Тогда не тот и не этот, а вековечный, истинный, сущностный, даваемый в ощущениях, видимый и невидимый, всегда существую-

щий и через это — для теперь и для здесь, для там и для завтра-вчера, вне пространства-времени, а в нем лишь для нас, проживающих и его, данный мир, наблюдающих. Подобное восприятие предполагается в отношении реконструкции мифологических, коллективно сознательных и бессознательных в основе своей, представлений, воплощающих образ устройства мира, называемый моделью мира (ММ). Смысл ММ состоит в воздействии на сознание и поведение представителей данного коллектива в отношении необходимости принятия ими задаваемых ММ условий и принятия их на том основании в круг и члены социума.

Говоря о текстах различных жанров традиционной культуры, Л.Н. Виноградова, ссылаясь на составителей сборника *Традиционный фольклор Новгородской области*, упоминает как об одной из важнейших так называемой «концептирующей» функции, предполагающей «необходимость постоянной актуализации важнейших мифологических представлений об устройстве мира»³. Смысл подобного рода текстов, их существования, бытования, исполнения состоит в том, что определяется ею как «репрезентация и сохранение в коллективе такой этнокультурной информации, которая касается как мифологических знаний, так и практических навыков, необходимых и в повседневной жизни, и в экстремальных ситуациях»⁴.

Данное представление можно было бы, не боясь преувеличения, расширить. Определяемая как концептирующая функция, связанная с целевой, осознаваемой и неосознаваемой, установкой на воспроизводство в сознании представителей коллектива, с помощью текстов культуры, национально и социально отмеченных знаний о мире, его устройстве, существующих в данном социуме обычаев, правил, навыков, видов, типов и типажей повседневного поведения и регулятивной деятельности, — подобного рода функция характерна не только для мифологических текстов. Аналогичным целям, может быть только более опосредованно, поскольку в контексте и развороте авторских отражений, намерений, отношений, задач, служат и тексты художественной литературы. Передаваемый автором образ, картина действительности, независимо от степени ее полноты или неполноты, неизменно содержит признаки того представления об устройстве мира и социума, которые в данном социуме существуют и которые автор, намеренно или нет, «концептирует», в желании ли укрепить, либо, напротив, подвергнуть сомнению или перевернуть, либо же, не имея целью ни того ни другого, лишь опереться на них как на общеизвестный и потому очевидный и сам по себе понятный фон и контекст. Такого рода знания и представления, в текстах художественной литературы содержащиеся и отраженные, не являясь как бы

³ Л.Н. Виноградова: *Социорегулятивная функция суеверных рассказов о нарушителях запретов и обычаев*. В: *Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста*. Москва 2006, с. 215.

⁴ Там же.

так изначально, исходно, по замыслу мифологическими (о текстах с подобного типа задачей не говорим), с одной стороны, выполняют ту же, что и в фольклорных текстах и текстах традиционной культуры, определенную для мифологических знаний как концептирующая задачу и роль, а с другой, они так же и с той же сознательно-несознательной целевой установкой социализируют и мифологизируют сознание воспринимающих. Социализируют — в том смысле, что вписывают в существующий этнокультурный контекст, актуализируя его, тем самым и одновременно, в сознании представителей данного национального и социального коллектива. Мифологизируют (можно было бы взять это слово в кавычки) — в том отношении, что, отражая имеющийся в сознании социума комплекс мировоззренческих, социальных и прочих идей, даже как подвергаемый ими сомнениям и опровергаемый, т.е. как *мифо-* и *социо*борческий в основе своей, также и неизменно сами актуализируют, как знания, которые можно было бы с какой-то иной перспективы, концептуальной и временной, обозначить, и в этом не было бы преувеличения, как его, данного социума, созданный для него самого, ради своей экзистенции, социальный миф. Социальный миф, или, скажем иначе, картина мира, но от этого суть не меняется, поскольку это знания, но и не только, с функциями и признаками мифа — коллективного сознательно-бессознательного, регулирующего и определяющего жизнь, поведение, статус, возможности, знания представителей своего коллектива, не менее отдаленного, в своих впечатлениях и предубеждениях, от действительного положения и устройства вещей в этом мире, чем полнокровный миф первобытных.

Есть тексты, по самой своей установке, характеру представлений, особенностям устройства художественного сознания автора, ориентированные на воспроизведение, отображение подобного рода знаний — картины быта и мира, отмеченной действием этносоциально заряженной «концептирующей» функции. Они, эти тексты, не столько актуализируют в сознании читателя или делают для него понятным, знакомым существующий и изображаемый городской, деревенский, мещанский, купеческий или другой какой-либо мир и быт, может быть и давая его как социальный и натуральный фон в своей повести, сколько воспроизводят его, этот мир, фрагмент его, с какой-то с трудом формулируемой установкой на «мифологичность» (здесь возьмем в кавычки) — как неизменный, сущностный, истинностный и вечный. А такой, добавим, поскольку общеизвестный, поскольку все представители данного социума, конвенционально и концептуально, в пересечении общего для них знания, видят и знают его таким. Тексты и авторов подобного рода, с точки зрения особенностей их художественного сознания и творчества, в интересующем нас этносоциальном ключе, можно бы было определять в двух проекциях-перспективах — с позиции «концептирующей» (т.е. воспроизводящей этнокультурное знание) функции и с позиции национальных

и социальных стереотипов⁵ (т.е. знаний генерализирующего характера, применяемых ко всякой данности, как правило без учета ее индивидуальной конкретики). Реализм с его установкой на типизацию и отражение мира в его наблюдаемой объективности способствует проявлению таких тенденций. Русская натуральная школа, с ее стремлением к беспристрастности и «физиологичности», была способна их к тому же усиливать. В связи с этим тексты ее представителей могут служить хорошим источником для возможного выявления этнокультурных и социальных знаний о русском мире как таковом, русском крестьянском общинном мире, мире русского общества XIX столетия, деревенского и городского, существовавшем в своих отражениях и отображениях в виде стереотипных, или типических, во избежание коннотаций, когнитивных, вербальных и предикативных (тезаурусных) формул, моделей, форм — ментальностных единиц представления его самого о себе самом⁶.

Таким хорошим источником интересовавшего нас материала оказался И.И. Панаев с его повестью *Актеон*. Предмет анализа вращался вокруг идеи социум и человек, — чем является в отображаемых автором представлениях, знаниях человек применительно и в отношении к его в себя вбирающему, включающему, осваивающему (или присваивающему?) социально-концептуальному миру — миру социализированных, лингвокультурных, тезаурусных, языкового сознания, национально predeterminedенных, знаний и представлений о нем, укладываемых затем во фрагмент того, что принято называть языковой, а также без этого определения, картиной мира. Поскольку предмет был далек от традиционного историко-литературного или литературоведческого интереса, эти стороны взятого текста и автора в статье опускаем. Для понимания смысла, вписывающего рассматриваемое в определенный контекст, важно, однако, отметить следующее (без отне-

⁵ Ю.Е. Прохоров, подробно останавливаясь на определении понятия стереотипа у разных авторов и концентрируясь в своем исследовании на интересующем его национальном социокультурном стереотипе речевого общения, характеризует его как единицу ментально-лингвального комплекса представителя определенной этнокультуры, способную проявляться в форме речевого клише или вербализованного / невербализованного штампа сознания. Ю.Е. Прохоров: *Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев*. Москва 2003, с. 98. В указанном отношении их можно было бы применить и к предмету данной работы.

⁶ Ю.Н. Караулов определяет это понятие лингвокультурного тезауруса, который «отражает не семантические характеристики словесного состава языка и их взаимодействие, а стоящие за «словами» знания о мире, вместилищем которых является «языковое сознание» носителя. Это уже не лексико-семантический уровень языка, а уровень на ступень глубже, уровень когнитивный». И далее уточняет: «в языковом сознании строевые единицы языка представлены прецедентно, образцами и синкретически объединены с единицами лингвокультурного знания в ассоциативно-вербальной сети, которая выступает как один из способов репрезентации языкового сознания». Ю.Н. Караулов: *Когнитивные размерности языкового сознания*. В: *Славистика: синхрония и диахрония*. Москва 2006, с. 14, 15.

сения к другим произведениям данного автора или процессам его эпохи). Идею изображаемого в повести можно было бы очень сжато свести к представлению типов, точнее типажей, представителей высшего социального слоя (дворян-помещиков) в их неизменно хитиновом, насекомоподобном, лишенном крови («заместо оной снабжен беловатым соком») и сердца, экзистенциальном виде, ведущих свой им природой назначенный образ жизни, включающий приготовление «себе логовища для своего продолжительного засыпания», проживание и питание «на скотопадах, а особливо в коровьем навозе», размножение («необычайно плодовит»), защиту от неприятелей («от преследования своих неприятелей защищается смрадом, который в случае нужды от себя распространяет»). Типов и типажей, как мужских, так и женских, устоявшегося, социально одобренного и раз и навсегда принятого, не меняемого, т.е. стереотипного, поведения — на фоне обслуживающей их и им подчиненной, зависимой от них, деревенской крестьянской общины и в столкновении с нарушающим общий привычный и заведенный уклад проявлением наделенного сердцем и чувством индивидуального неподчинения впущенных, но не своих и не адаптированных, а потому страдающих и погибающих, то ли противников и потенциальных соперников, то ли просто не жуков-актеонов и поэтому жертв.

Действие повести начинается с приготовляемой встречи — разворачиваемого в ей полагаемых деталях представительства и представления (*ре-презентации*) едущему в свое село помещику принадлежащих ему крестьян. Сам собой напрашивающийся и естественный повод показать картину общинного мира, его устройство, места, позиционный и ролевой состав, как бы в срезе, т.е. достаточно беглым, но выразительным и подчеркнутым образом. В этом демонстрационно-репрезентативном показе нас будет интересовать отношение, внутреннее, не объявляемое прямо, но имеющее значение, концептуальное, национального социума, восприятие человека, его понимание как сущности и принятое представление о нем как о члене и представителе (репрезентанте) общего, совокупного «я» коллектива. Того «я», которое налагает и предполагает известную, местом, позицией, ролью заданную, предопределенность, идентификацию и распознаваемость каждого в его смысле для социума, по заключению и представлению, кто есть кто и какими, следующего из этого, чертами и положениями должен, а какими не должен располагать.

Сказанное стоит воспринимать как следствие, а не предмет анализа, поскольку панаевский материал *Актеона* всего этого непосредственно не дает, тем более в небольшом фрагменте. По этой причине, а также в силу ограничений объема в статье будет представлена лишь самая малая, наблюдаемая во взятом коротком отрывке, часть возможного более полного описания.

Деревенский общинный мир, по традиции русской классической прозы XIX столетия, получившей наиболее яркое свое воплощение у Гоголя,

раскрывает себя не сразу, а в постепенном к нему приближении, подъезде к нему. К селу на отлогой возвышенности по левую сторону речки необходимо подъехать, минуя взглядом заросшие ивами островки, барский дом с мезонином, флигели, церковь, мельницу, сад, огород, баню за садом, хозяйственные постройки, крестьянские избы, по сложившемуся обычаю показываемые в своем недостатке как «или покачнувшиеся на сторону, или вросшие в землю, почти все крытые соломой, почерневшей от дождя и дыма». Интересующее нас представление деревенского крепостного населения предваряется рядом деталей, описываемых через присутствие в них, отношение к ним человека: (1) «плетень, заменяющий забор, через который, впрочем, может перелезть **четырёхлетний младенец**»; (2) «столбы с дощечками, на которых начертано: *Село Долговка ***губернии **уезда. Помещика титулярного советника Петра Александровича Разнатовского, душ мужеска пола 810, дворов 102*»; (3) «смирная, тихая речка, по которой в жаркий летний день в иных местах проходят вброд **ребятишки** и куры»; (4) «мост через речку», который «кажется, едва держится на двух сваях, так что **неопытный городской житель** при всей отваге не решится пройти по нем не перекрестясь, — а вот уже десять лет как по этому мосту беззаботно проезжают **крестьяне** с возами, тяжело нагруженными сеном и хлебом, и **помещики** в своих колымагах, набитых перинами и полушками».

Младенец, ребятишки, городской житель, крестьяне, помещики, души мужеска пола, не называемые, но подразумеваемые хозяева дворов представляют знакомую носителям данной культуры, без пояснений, размещений, включений, половозрастную шкалу социально-ролевых и поведенческих характеристик, приписываемых, свойственных членам соответствующего коллектива. Обозначаемые, включаемые в текст, они фигурируют и используются в нем как представители в первую очередь деревенского мира, в котором горожанин выглядит и чувствует себя сторонним («странным»), неопытным.

Репрезентант возникающего, далеко не во всех деталях своих, мира крестьянской общины русской деревни XIX века предстает, передается в тексте в трех, опирающихся на этнокультурные знания, а потому не эксплицируемых, проекциях: (1) пол, возраст, положение (включая социальную, имущественную и социально-пространственную характеристику типа деревня или город, крестьянская изба или барский двор и т.п.), обуславливаемые рождением и принадлежностью, включенностью, отнесением к тому или иному кругу, а потому исходные, предполагающие и предопределяющие последующие, (2) социальную роль, или функцию, зависимые от первой и в стандартном случае прямо следующие из нее и (3) типовые проявления, поведение, действия, служащие средством представления себя (репрезентации), проявления и манифестирования, обнаружения в социуме, т.е. распознавания, определения (идентифицирования) себя для других.

В этой связи помещик, в контексте этнокультурных знаний, может быть представлен как тот, кто обладает поместьем, т.е. владелец душ, и как тот, кто живет в своем поместье, т.е. деревенский житель. И в том и в другом случае мы имеем дело с проекцией (1) в ее ведущем для данного случая признаке 'положение', 'позиция', обусловливаемые рождением и обладанием, принадлежностью, отнесенностью к общественному слою 'имущие', а также 'имеющие в своем владении других'. Из чего следует его социальная роль, обуславливающая его общественную функцию (2). Как владелец поместья, обладатель душ и предположительно имущий, он независим и самостоятелен, т.е. хозяин, распорядитель и глава в хозяйстве своем, неподотчетный, спрашивающий, поручающий, контролирующий и не обязанный работать — на других, на общество, на семью, на себя. Отсюда образ его жизни, поведение, привычки, действия (3), носящие отпечаток ненагруженности, необязательности, незанятости и вполне вероятной праздности. То, что его крестьяне его ждут, готовясь соответствующим репрезентативным образом к его приезду, — это следует из (2), его и их необходимой социальной роли. То, что и как он и они будут делать и как вести себя, как выглядеть, в ходе этой встречи и своей репрезентации, необходимо рассматривать и определять как (3), т.е. следующие из положения и роли проявления, поведенческие акты, действия. То же, что, в соответствии с начертанным на дощечках *Помещика...*, *душ мужеска пола 810, дворов 102*, можно относить, на основе знания, что помещик — владелец этих душ, а с ними и хозяев упомянутых дворов, а с этим также и других душ, не упомянутых, как не мужеска пола и не взрослых, к проекции (1), отмечающей его имущественный и социальный статус.

То, что четырехлетний младенец может перелезть через плетень, заменяющий забор, с одной стороны, является проекцией знания о том, что крестьянские младенцы в деревне, предоставленные сами себе, способны уже в таком малом возрасте к самостоятельным, вне дома, двора и даже деревенской улицы, действиям и перемещениям, а с другой, становится соответствующим знаком, свидетельством отношения к миру и в нем человеку. Человек в этом созданном им вокруг себя, собой обустроенном мире, в обжитом собою ландшафте, в котором следы его деятельностного присутствия можно увидеть на каждом шагу, становится неизменно, в этнокультурными впечатлениями и образами отмеченных знаниях, мерой самих вещей, в данном случае высоты забора-плетня. Но человек не как таковой, в родовой своей сущности, а как *homo socialis*, член, представитель данного этнокультурного социума и как часть его какого-то множества, совокупности⁷, коллектива.

⁷ «Имена множеств обозначают несколько предметов или лиц, объединенных выполнением определенной функции: *артель* (ср. *рабочие*), делегация (ср. *делегаты*) [...] Объединение предполагает единство места и обозримое количество элементов множества. [...] В отличие от названий множеств имена совокупностей обозначают лица и предметы, не

Подобным образом то, что ребятишки и куры переходят тихую речку в жаркий летний день вброд, с одной стороны, ставя кур наравне с ребятишками, дает представление о русской деревне, в которой крестьянские ребятишки — как куры. Живут как куры, ведут себя, проявляют как куры (возможно, к ним также и отношение такое, как к курам), бродят в день, клюют, что попало, попадают, где и когда придется, и, как правило, не при старших, постоянно занятых сельским тяжелым трудом. Это их, ребятишек, и социальная функция, или роль (2), следующая из их возраста и положения (1), и поведение (3), становящееся показателем того, что, с другой стороны, определяет себя как мера, в данном случае объекта ландшафта, степени глубины реки.

То, что неопытный городской житель не решится пройти по мосту на двух сваях не перекрестясь, *а вот уже десять лет как по этому мосту беззаботно проезжают крестьяне с возами, тяжело нагруженными сеном и хлебом, и помещики в своих колымагах, набитых перинами и подушками*, — все это также, с одной стороны, определяет типичное проявление (3) городского жителя в непривычном для него окружении, следующее из его социальной позиции, роли (2) и положения (1). Равно как и проявление (уверенное и постоянное перемещение во внешне небезопасном, неверном деревенском ландшафте) крестьян и помещиков (3). В обстановке для тех и других знакомой, привычной, вследствие их социальной позиции, роли (2) и положения (1), далее различаемых. С одной стороны, это «нагруженность» сеном и хлебом

связанные единством места и времени. Совокупности — это классы, задаваемые определенным набором значений признаков. [...] Отнесение нескольких предметов к совокупности означает наличие у них общих признаков». О.Н. Ляшевская: *Семантика русского числа*. Москва 2004, с. 161, 162. В анализируемом тексте, что немаловажно, имена отдельных называемых представителей можно было бы рассматривать, в зависимости от взгляда, либо как имена представителей множества (связанных единством места, времени и функции), либо их же как имена представителей совокупностей (классов, задаваемых набором значений признаков). Ср.: *неопытный городской житель* или *четырёхлетний младенец, ребятишки, помещики, крестьяне, бабы, молодые парни, старухи, молодёжи* и т.п. — как приехавший сюда, один из многих таких, как он, или те, кто здесь живут, являясь членами данного помещичьего общества, крестьянской крепостной общины, либо как он же (они же), но как представители соответствующего класса городских жителей, деревенских младенцев, ребятишек, помещиков, крестьян, баб, молодых парней и т.п., в отличие, скажем, от не деревенских, не крестьянских младенцев, ребятишек, помещиков, крестьян и пр., как представителей других классов, совокупностей. Как замечает далее О.Н. Ляшевская: «Обозначение нескольких предметов как части более крупного объединения интересно тем, что части с уникальными свойствами попадают в класс совокупностей (*большинство, молодёжь*), а допускающие существование однородных частей — в класс множеств (*дивизия*; ср. также пару *купечество — сословие*). У имени *меньшинство* отнесение к классу совокупностей или множеств зависит от категоризации обозначаемого как единственной части, противопоставляемой *большинству*, или как не единственной (одной из многих меньших частей), ср. *национальные меньшинства*».

и связанная с этим необходимость тяжелых возов для крестьян и, с другой, — свобода от всего этого у помещиков, при «набитости» достоянием, перинами и подушками в своих колымагах — знаками праздной опочивающей и перегруженной всякой имущественной рухлядью жизни. Так же как и в отношении городского жителя, проекции социальной роли (не обозначенной прямо, но подразумеваемой) и наблюдаемого, обозначаемого проявления в производимых привычно действиях (езда по мосту в телегах и колымагах), следуют из имеющегося в сознании носителя данной этнокультуры знания о проекции (1) — положения и социально-пространственной характеристики крестьян и помещиков, как деревенских жителей, связываемых общей и отделяющей их от неопытных городских позицией места и отличающих их друг от друга позицией социального происхождения и обладания.

И все это так же, как и в предыдущих примерах, становится мерой, критерием отношения к миру и человеку в нем как члену и представителю данного социума. То, что неопытный городской житель не решится пройти не перекрестья, а крестьяне с помещиками беззаботно ездят возами и колымагами вот уже десять лет, — все это служит мерой достаточной прочности едва держащегося на двух сваях моста, очевидной в этой своей достаточности для деревенского жителя и сомнительной для жителя городского, непривычного к деревенским понятиям, мерам и представлениям.

Тем самым, в исследуемом отношении человек выступает **как мера** (критерий):

- пространства как элементов обжитого им ландшафта;
- предметов как созданных им самим артефактов;
- достатка как величины обладаемого для себя самого, —
- проявившихся в приведенных примерах как мера малой, незначительной, меньше привычного, ожидаемого — высоты (забора-плетня);
- глубины (тихой речки);
- как мера достаточной — прочности (моста), относительной для города и деревни;
- величины обладания (количество душ).

Человек, как следует далее по тексту, может быть **показателем, знаком**:

- изменения в наблюдаемом с точки зрения превышения нормы, в том, что обычно выглядит, проявляет, ведет себя совершенно иначе, — *В одно майское праздничное утро 183* в селе Долговке было необычайное движение.* Читатель еще точно не знает, что было причиной подобного оживления, являясь лишь наблюдателем происходящего, но может догадываться, опираясь на этнокультурные знания, о его значительности и скорее торжественном, чем печально-трагическом, смысле, следующем из праздничности майского утра. Впечатление это усиливается в следующем предложении: *Все обоего пола ревижские души находились в величайшем волнении.*

Тем самым, возможным становится представление о человеке как **показателе, знаке**:

— значительности ожидаемого события, представленной, наблюдаемой, в подчеркнуто *величайшем волнении всех* и, что не менее важно и акцентировано, — *обоего пола ревижских душ*.

Значительность происходящего возникает как следствие впечатления необычайной приподнятости, эмоционального возбуждения, воодушевления, с одной стороны, и общности охватившего *всех* состояния, с другой, одновременно участников происходящего и субъектов, а также объектов, совместного переживания. Значимым, но, в своем следствии для другого, оказывается и то, что это субъекты-участники *обоего пола*, и то, что *ревижские души*. Обоего пола, а потому в своем представительстве все, для каких-то особых, и не работных, не деятельностных причин, в какой-то такой своей роли и функции, когда требуется полный, обоеполый, репрезентативный вид и просмотр, предполагающий поддающийся обозрению и свидетельству срез настояще-презентного состояния наблюдаемого данного множества. Того множества, которое одновременно являет собой и общинную совокупность, коллективное целое, связанное с представлением их как *ревижских душ*. Ибо если *душа* — единичное воплощение человека, как сущности, жизни, сознания, чувствования и естества, то *ревижская душа* представляет его единицей состава, набора, множества и числа. Тем, что, с одной стороны, должно поддаваться и поддается перебору и счету, а, с другой, выступает, является представителем, репрезентантом других таких же, как он, образующих вместе, в своей совокупности, некоторое единство, устройство, социум, общность, являющуюся объектом владения и распорядительства со стороны стоящего или стоящих над ними по статусу в иерархии лица или лиц.

Устройство данного социума, в его позициях, со слегка наметившейся, но очевидной иерархией, в его местах и ролях, обусловленных полом, рождением и возрастом всех и каждого в нем, но не как отдельности и единичности, а как представителей и аспектов состава, мест и репрезентантов его и в нем, — это статическое, статальное по своей идее и смыслу, устройство дается, предоставляется, преподносится в тексте как наблюдаемое в движении, волнующееся, взбудораженное возбуждение улья, обозначающего, отмечающего, подчеркивающего способность к жизни, витально-структурную самодостаточность и полноту, через движение, совершаемые типовые действия и занимаемые положения всех и каждого, положенные им по их месту и роли.

Начинается представление социума с того, что составляет его центр, вершину существующей иерархии и, в своей проекции к обжитому и созданному пространству, наиболее приглядное и представительное: *На главной улице села ... на этой улице, пошире и покрасивее других (ибо здесь находилась двухэтажная изба старосты с подзорами, крытая досками)*, — переходя затем и далее к предоставлению, в обзоре, срезе, полного репрезентативного

состояния описываемой общины: **молодые парни** стояли вооруженные метлами, а **бабы** в кумачных сарафанах группами сидели на завалинах изб своих с **младенцами** на руках; **мальчишки и девчонки, подростки**, бегали с криком между поросятами и свиньями или валялись в мелкой пыли, которую парни сметали в сторону. Во внутренности изб оставались одни еле движущиеся **старухи**, или, лучше сказать, только их туловища, головы же их, впрочем, более походившие на грибные наросты у гнилых заборов, чем на головы, торчали из щелей, то есть из окон. «Что? Еще не видать кормильца-то?» — спрашивали они у **молодиц**. «Где-ста, еще рано!» — отвечали **молодицы**. С тем чтобы завершить предварение разыгрывающегося далее повествования в еще одной, замыкающей, вершине над вершиной, притягивающей к себе основную массу обозримого числа, представлением того, кто над старостой, важнее его и помыкает им, называя не слишком уважительно *Андрюхой*, хотя он *мужик здоровый и толстый и с бородою*: Но самое большое стечение народа было у моста. Там стоял **управитель села Назар Яковлевич** (...) человек среднего роста, плотный, с полным лицом и сиповатым голосом. Стабильность, прочность, уверенность в себе, надежность отображены в его характеристиках.

Живая картина пришедшего в движение, движущегося социума, своего рода статальное подтверждение в этом движении ролевой и структурной полноты его самодостаточного, обеспечивающего себя, кормильца и его семью, существования, объявляет себя в описываемых через представленную ранее как (3) проекцию типовых проявлений, действий, характеризующих атрибутов, привычно занимаемых, свойственных локализаций. В нижеследующей схеме первую колонку будут представлять репрезентанты социума, вторую — их типичные локализации (позиции, места социально обозначенного обжитого пространства), третью — свойственные им как типовые действия, четвертую — характеризующие их атрибуты и сопровождения.

Староста — на главной улице — находится — его двухэтажная изба
— у моста, где стечение народа — стоит при управителе села
— мужик здоровый и толстый
— с бородою

Молодые парни — на главной улице — стояли — вооруженные метлами
— сметали — мелкую пыль в сторону

Бабы — на завалинах изб своих — сидели — в кумачных сарафанах
— группами, с младенцами

Младенцы — на руках у баб

Мальчишки — между поросятами и свиньями — бегали с криком — подростки

и девчонки — в мелкой пыли, которую парни сметали в сторону — валялись

Старухи — во внутренности изб — оставались одни — их туловища
— еле движущиеся

- походившие на грибные наросты —
- головы у гнилых заборов
- торчали из щелей (из окон)
- спрашивали у молодежи (еще не видать кормильца-то?)

Кормилец — [где он?] — его видать иль не видать? — где-ста, еще рано!

Молодицы — (на главной улице) — их спрашивают, они отвечают

Управитель села — у моста — стоял — среднего роста, плотный, с полным лицом и сиповатым голосом

Тем самым, всяк и каждый на своем месте и при своем занятии, обусловленных позицией. Молодые парни, как основная физическая сила и хребет, будущая и настоящая опора социума, стоят на главной улице, вооруженные метлами, сметая ими мелкую пыль в сторону. Бабы, как рожающие и кормящие, сидят на своих завалинах, группами, с младенцами, в кумачных сарафанах. Младенцы, как еще не полностью самостоятельные, на руках у баб. Мальчишки и девчонки, как неполноправные и неполноценные, близкие скотине, между поросятами и свиньями, бегают, кричат, валяются в мелкой пыли, которую сметают парни в сторону. Старухи, во внутренностях изб, не движущиеся, замшелые, только головой торчат на улицу, тем самым, не видны, уходят в землю и только спрашивают, видать иль не видать, у молодежи. Молодицы — находясь на улице и спрашиваемые, отвечают. На своем месте и при своем занятии, обусловленном ситуацией ожидания и представительства, представления, демонстрации общины, во всей ей надлежащей полноте, перед своим едущим к ней хозяином и господином, помещиком, кормильцем и распорядителем ему принадлежащих душ.

Piotr Czerwiński

Человек jako reprezentant: pozycji, miejsca i roli w powieści I. Panajewa *Akteon*

Streszczenie

Текст dziewiętnastowiecznej powieści stał się przedmiotem doboru i analizy jednostek nazywających człowieka jako przedstawiciela społeczności, kolektywu z jego typowymi dla świadomości językowej tamtych czasów cechami, właściwościami i przejawami. W artykule wyjaśnione zostały motywy takiego podejścia. Zaproponowano zasady opisu językowych jednostek mentalnych, pozwalających na stworzenie wyobrażenia o istniejących ówczesnie stereotypach świadomościowych oraz stosunku do człowieka nie jako jednostki, lecz reprezentanta kolektywu, określenie jego roli społecznej oraz pozycji, lokalizacji, sposobu bycia, atrybutów przynależnych zarówno jemu, jak i innym podobnym do niego przedstawicielom danej społeczności. Wybrany do analizy niewielki fragment tekstu dotyczy opisu pełnego napięcia oczekiwania gminy chłopskiej, która strukturą i zachowaniem przypomina ożywiony, wzburzony ul, na przyjazd właściciela, posiadacza ziemskiego.

Piotr Czerwiński

A man as a representative of position, place and a role in the novel *Akteon* by I. Panajew

Summary

In this article the text of a 19th-century novel became a subject of choosing and analyzing the linguistic units naming a man as a representative of community or a group, with his/her typical for consciousness of that time features, qualities and displays. The article clarifies the motives of this kind of research approach. The paper also proposes the rules of description of linguistic mental units allowing to imagine the consciousness stereotypes of that time, as well as the approach to a human being not as a individual but representative of a group. Moreover, they allow to define his/her social role and position, location, manner, features identifying both him and the members of a given community. A short fragment of text chosen for the analysis concerns a complete description of anticipatory anxiety of a peasants' gmina waiting for its owner's arrival, the structure and behavior of which is similar to excited tempestuous beehive.